

Дмитрий Ильин

«Крайний» караул

Дмитрий Ильин

«Крайний» караул

«Издательские решения»

Ильин Д.

«Крайний» караул / Д. Ильин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966858-5

Службу этих людей не видно на первый взгляд. Но изо дня в день, без выходных и праздников, они несут ее несмотря ни на что.

ISBN 978-5-44-966858-5

© Ильин Д.
© Издательские решения

«Крайний» караул

Дмитрий Ильин

От автора

© Дмитрий Ильин, 2019

ISBN 978-5-4496-6858-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Идея написания повести появилась благодаря, капитану внутренней службы Раскину А. А. Благодарю его за вовремя «подкинутую» идею. Посвящается всем **НАСТОЯЩИМ** офицерам, проходящим службу на контрактной основе в должности Начальник караула, во всех подразделениях по конвоированию Федеральной Службы Исполнения Наказаний Российской Федерации.

Ребята!

Берегите себя, здоровья Вам, терпения и караулов без замечаний. Кто бы, что бы ни говорил, обязанности, которые Вы выполняете, самые тяжелые, трудоемкие и требующие серьезных знаний в своей профессии. Удачи Вам и Вашим семьям!

Примечание

Все персонажи и сам сюжет, вымысел автора. Все совпадения случайны. Но! Если кто-то, прочитал повесть, и случайно узнал себя или знакомого..

Ну, что же? Так бывает! И стоит задуматься, почему Вам не понравился персонаж, и почему Вы увидели в нем себя?

Всем Мира и процветания!

2019г. Г. Самара

Вагон чуть качнуло, и залитый светом вокзал начал медленно исчезать из поля зрения, скрываясь за четырехугольным проемом окна. Пассажирский состав заметно ускорился. Андрей прислушался. Этот звук мужчина не перепутал бы ни с одним другим. Нарастающий, глухой, он с едва ощутимой вибрацией разносящейся по полу вагонзака, успокаивал и убаюкивал. Опытный офицер прекрасно знал, что это ощущение временно, уже через несколько часов к нему полностью привыкаешь, а «обмены» и смена караула, уснуть по-настоящему не дадут. Но, и ни это причина прерывистого, беспокойного сна. Ответственность, долг, да и просто опасения получить взыскание за серьезные промахи на службе, мешали выспаться как следует. «Здесь, в вагоне, постоянно ерунда снится. То сон о том, как часового на перроне забыли, а то как станцию проспали. Бывает, что и вообще ужасы невообразимые. Вот прошлый караул. Снится, что «обмен» прошел, всех рассадил жуликов по режимам, как положено. Даже «петухов» отдельно разместил. У начкара «встречки» расписался, принял. Нормально все. Удачи всем! Письма пишите. Вагон тронулся, пошел пересчитать «пленных», а в камерах нет никого! Где? Куда делись? Помощник! Помощник! Черт, где все? Часовой! Тишина.. Только перестук этот, монотонно и не спеша. Тада-тада-тада.. " – начинающий стареть капитан даже выдохнул, когда вспомнил сон. Выдохнул, и заулыбался, представив как выглядел, когда вскочил с жесткой полки купе начальника караула. Взъерошенный, с выпученными глазами и уже готов был заорать во весь голос: «Помощник!», но вовремя перехватил крик. «Да уж! Хорошо ребята не видели. Решили бы, что все! С ума сошел начкар» – думал он, смотря в окно своего купе.

Тада-тада-тада.. Перестук железных колес о неровности рельс, уже не казался таким навязчивым. За окном начало смеркаться. Поздняя осень радовала затяжным «бабьем летом», но осень есть осень, и от рано темнеющих просторов России никуда не деться. Он оперся локтями об откидывающийся стол, потянулся и включил тусклую, настольную лампу. Маломощная, она выдала неяркую полосу искусственного света. «Книгу почитать, дела написать, акт составить пойдет. Вот только если таким светом все время пользоваться, зрение испортится. Наверняка, видеть я хуже стал из-за него. Сколько лет то уже? Принял жуликов, переписать нужно обязательно, в журнал. А в автозаке? Там тоже ведь, на ходу писать только. Иначе до ночи будешь ездить, возить туда-сюда осужденных. Эх! Каждую минуту стараешься сэкономить, нагоняешь то, что теряешь на учреждениях. Приедешь, по рации вызовешь и стоишь, ждешь у ворот. То проверка у них, то смена караула, то «сработка». Или следственный изолятор! Это совсем отдельная тема! Вот там можно на половину дня застрять. Забирать трех – четырех человек, а стоишь по два – три часа! Виной сама система. Должности сократили, обязанности переложили на других. Оплата труда осталась на месте, а работы прибавилось, вот и начали уходить те, кому время подошло для «льготки». Свободные места ни кто занимать не спешит. Остались конечно люди, работают. Только на пределе такая работа, на нервах. Требований много, зарплата небольшая. Или взять этих, с института которые только пришли. Ничего не знают, работать не умеют, зато амбиций хоть отбавляй. Этот, как его.., Крикорьев! Да, точно он! Первое впечатление, что у него совсем мозгов нет. Может запросто уйти в самый разгар выдачи осужденных. И все! Встала работа. Дела говорит у меня. Ничего, научится. Возможно поймет со временем, хоть что-то. Женька, сменщик его, поначалу тоже, очень медленно все делал. А сейчас? Молодец парень, разобрался быстро. Одно удовольствие с ним работать. А к ребятам, что уже давно служат, вообще вопросов нет.. Взять хоть Игоря. Все быстро, четко и пошутить успевает. Спасибо им! Всегда постараются время для конвоя найти».

Полностью погрузившись в свои мысли, Андрей повернул голову к окну, пытаясь разглядеть в осенней темноте слабоосвещенный, пустынный полустанок, пролетающий с приличной скоростью мимо. Секунду спустя, перрон исчез, а вместе с ним и скудное освещение за окном. На темном фоне стекла, проглядывалось только его отражение в незамысловатом интерьере купе. Даже при плохой подсветке были видны глубокие морщины на широком лбу, начавшие сесть волосы на висках. Плотно сомкнутые пухлые губы, широкий, чуть приплюснутый нос и большие, широко посаженные глаза. Их блеск и живость, выдавали в нем человека непоседливого и веселого. Очень часто, он принимал участие в розыгрышах молодых сотрудников, беря на себя роль авторитетного служаки. В этой поездке не обошлось без стажера. Пришлось взять. Начальство поставило в караул, значит ему виднее. «Ребята конечно присмотрят за ним, не бросят. Но и самому тоже следить нужно. Новый человек, ни разу не ездил в „железку“». Глаз да глаз нужен за ним. Хорошо, что пистолет не дали ему..» – снова задумался офицер, переключаясь со своих личных мыслей на рабочие моменты.

– Адрюха, ужин через минут сорок будет. Там парни передать просили, Орла сегодня крестить будут. Поддержишь? – заглядывая в купе, спросил пухлый парень с добродушной улыбкой, засунув правую руку в карман белого халата.

– Ужин это хорошо Свирид. Что сегодня наготовил? – узнал он у повара.

– Как обычно на первый день. Картошка с мясом. Тушенку в сторону дома есть будем. Ну и чай!

– Чай. Хорошо. Кипяток то есть? Кофе сделаешь?

– Ты чего начальник? Идем, конечно! Или давай сюда принесу, мне не сложно.

– Не, я с пацанами посижу. Чего там придумали с Орлом? Смотрите не доведите «зеленого», – погрозил капитан пальцем, – Смотрите! – повторил он, – Сам знаешь, «крайний» караул у меня. Не хватало еще ЧП. Достойно уйти нужно.

– Нет конечно. Что ты? Сам знаешь, без злобы мы..

– Ладно, все! – отмахнулся офицер, – Ребят собирай кто не на смене. Чай там, булки. Дальше картошка у тебя поспеет. Давай, обмен через два часа, успеть нужно с ужином. И проводницу нашу пригласи, не забудь.

– Успеем, а Татьяне сказал уже, что ужин скоро. Знает она, – ответил повар, и скрылся в глубине проходного коридора.

«Интересно, что на этот раз они задумали? » – с улыбкой, думал Андрей, – «Ну то, что ничего плохого – это точно! Ребята нормальные они. Действительно шутят без злости. Ладно, увидим сейчас».

В купе караула слышался смех и разговор молодежи. Взяв на кухне кружку с кофе, заботливо приготовленным Свиридом, капитан прошел в небольшое помещение располагающимся дальше по проходу, прислушиваясь к разговору.

– Нет! Я тебе говорю. Все это делали. Точно! Иначе настоящим конвоиром тебе не стать! Ты чего Орел? Ды вон, начкар наш. Он тоже прошел через это, – худощавый парень указал на появившегося в проеме купейной двери Андрея, – Скажи ему, Андрюх!

– Ну да. Патрик прав, – согласился он, не раздумывая, – Все так делали. Я тоже, а иначе двадцать лет здесь бы не служил.

– И чего? После такого, ты хочешь сказать, что мы тебе врем? – возмущенно вклинившись в разговор, заговорил Копченый, коренастый парнишка с хитрыми, смеющимися глазами, и начинавшим расти небольшим пока животом, – Ты нам не веришь? И как нам дальше службу нести? Мы же должны доверять друг другу!

– Ну, я не знаю. Мне подумать нужно. Да и девушка у меня есть, как-то неправильно это, – ответил, опустив голову и рассматривая пол вагона, Орел.

Это он поехал стажером, и теперь ребята пытались вывести его на какую-то шутку.

– Слушай, Орлов. И чего тут думать? Прикинь! Соблудеешь традиции, станешь настоящим «конвойным волком», со временем даже начальником караула будешь. И ни кто! Заметь! Ни кто, не сможет тебя ткнуть в то, что ты пренебрег нашими обычаями, – вмешался Жан, молодой казах с темными глазами, не менее темными, коротко постриженными, густыми волосами и узкой, необычной для казахов формой лица, – Посмотри. Вот начкар наш. Знаешь, сколько он лет служит? Двадцать! Представляешь? Сегодня у него «крайний караул», и это будет даже символично.

– Ну нее.. Стремно это как-то. Даже не знаю, я тогда в колонию уйду работать, раз все серьезно у вас, – понурившись, заговорил Орел, – Я не могу так!

Он, представлял из себя яркий образец деревенского парня, простоватого, наивного, с почти детским выражением на лице. Яркий, здоровый румянец на щеках выдавал сильное смущение. При своем высоком росте, и широких плечах он все равно напоминал ребенка. Глупого, безобидного, большого ребенка с добродушным выражением на лице и доверчивым взглядом.

«Нормальный мальчишка. Будет толк с него. Немного освоится и будет служить нормально. Уж что-что, а в людях я немного разбираюсь. Интересно. На что они его пытаются „развести“?» – подумал Андрей.

– Ты что, Орлов? У тебя вон и фамилия, подходящая для конвоира! И прозвище, Орел! – не унимался Копченый, – У нас у всех, ты же слышал, какие прозвища? И только у тебя, звучное, – выставив указательный палец вверх, он повернулся в сторону наблюдающих за диалогом, словно ища поддержки. Снова повернувшись в сторону собеседника, оглядев его и энергично замотав головой, продолжил:

– Нет! Мы конечно, если ты хочешь, можем называть тебя как положено по регламенту: «Часовой», но так не очень хорошо, не звучно. А имен мы стараемся не использовать, в нашем деле это лишняя информация для зыков. Ну и нравишься ты нам, парень отличный. Так что

давай, соглашайся. Начальник вон, договориться сходит, они с Мерседесом друзья старые. Она у Петровны вагон принимала, та то на пенсии уже лет десять.

– Не, парни. Я не смогу, она старше и намного, – совсем поник Орел.

– Ты дружище смотри сам конечно. Это только тебе решать, если что скажи, – отступился Патрик.

– Так! Хватит трепаться. Ужинаем, смену меняем, и обмен ночной у нас. Не забывайте. Копченый! За мной! – раздав указания, начкар призывно махнул помощнику, и, пропустив его вперед, пошел следом. У своего купе, он остановился, посмотрел на подчиненного, и, указав пальцем на свое купе, вошел в него первым. Через секунду появился молодой конвоир, послушно следовавший за ним, и начальник, напустив на себя серьезный вид, спросил:

– К чему вы там Орлова склоняете?

– В порядке все командир, мы ему рассказали, что есть такая традиция, по которой нужно переспать с проводницей вагонзака, что бы стать настоящим конвоиром, – смеясь, ответил помощник.

– Вы дебилы совсем? – спросил Андрей, – Вы о Татьяне подумали? Узнает, обидно ведь ей будет! Совсем с ума сошли?

– Не ругайся начальник. Ну, сам же знаешь, это традиция такая. Посмеяться над молодым? В первом карауле? Ну надо! Вспомни, тебя самого так принимали когда-то, а с Татьяной мы договорились, в курсе уже, – затараторил помощник, – Она любит посмеяться тоже.

– Да, было. Только шутки тогда злее были и беспшашные. В конце девяностых, у нас в управлении Саратовский один жил неделю. Так же, посмеялись, а он с вагона сиганул как только поезд тронулся.

– И что? – расширил глаза Копченый.

– Ничего! Начкаром ездит сейчас, прошлую неделю разгружали караул их.

– А! Это в очках тот? Примерно твоих годов?

– Да, он и есть. Ладно! Разговоры нет времени вести. Давай проследи, что бы поели люди. Потом выставляя третью смену. Я пойду продол проверю. После начинай готовиться к обмену.

– Я понял начальник.

– Да! И еще. Отстаньте от Орлова! Парень он не плохой, со временем освоится. То, что он простак – это не недостаток его. Скорее наоборот! Сейчас таких мало. Посмеялись и хватит! Не забудь сказать ему, что это шутка!

– Все, понятно Андрюха! Не будем больше. И кстати, мы и не говорили что он плохой или еще что. Ребятам он тоже нравится, он, как бы сказать-то? Он свой! Вот.

– Вот, вот! Хватит подшучивать, лучше делу его учите.

– Все ясно. Я пошел? – поинтересовался Копченый.

– Да, иди. Начинайте ужинать, сейчас приду тоже.

– Начальник! Мы тебя ждем! – многозначительно ответил помощник, и офицер понял, что ребята приготовили сюрприз и ему.

В освещенном проходе вагонзака, витал запах застарелого табачного дыма. Курить во время пути следования уже давно было нельзя, согласно новому закону, но запах въедавшийся в железные стены годами, остался. Слева, на всем протяжении камерных помещений, ровной линией проходила надежно вмонтированная в пол и потолок мелкоячеистая решетка. Сами камеры разделялись железными перегородками, и имели раздвижные, решетчатые двери с открывающимися небольшими карманами посередине. Из глубины, запертых решеток, Андрея разглядывали осужденные. Кто с ненавистью, кто изучающе, а иные взгляды не выражали ничего кроме тоски и скуки. К взглядам «с той стороны» он уже давно привык,

еще тогда, когда ездил в караулы в звании сержанта, и всегда отвечал на них безразличным взглядом. Капитан медленно подошел к часовому, кивнул головой и спросил:

– Как тут, Труба?

– Нормально все, начальник. Пассажиры спокойные в этот раз, – ответил молодой, крепкий, большого роста парнишка. Глубоко посаженные глаза лишь на секунду остановились на командире, и сразу продолжили наблюдение за камерами.

– А без шапки почему?

– Так зимняя же сейчас, шея устает и голова постоянно чешется, когда носишь долго.

– Ладно. На обменах не забывай одевать.

– Да, помню я. Все в порядке будет начальник, – смущенно ответил Труба, посмотрев Андрею в глаза.

– Старший! Старший! – раздалось в глубине одной из камер.

Начкар подошел к решетчатой перегородке отделяющей осужденных от обычного мира, и спросил глядя в полутьму камеры:

– Тебе чего?

– Когда в туалет выводить начнешь? И кипятка бы.

– Примерно часа через полтора. Терпите. Сызрань пройдем, будет и туалет и кипяток, – ответил твердо Андрей.

– Старший! Еще вопрос. Можно мы хотя бы одну на четверых покурим? Очень курить хочется, сам ты вроде тоже куришь, наверняка понимаешь нас, – спросил старый, коротко стриженный, худой осужденный, сделав добродушную гримасу. От которой, офицер почувствовал симпатию к заключенному.

– Черт! Ребята. С вами заберут, со мной не выпустят! – пошутил начкар, взглянул на часового, кивнул на форточку давая понять, что бы он открыл ее, и снова посмотрев через решетку, поднеся палец к губам, добавил:

– Только тихо, и не все сразу. Поняли?

Повернувшись в сторону остальных камер, он громко проговорил:

– Всем понятно? Пятнадцать минут, потом что бы даже дымом не пахло!

«Да. Понятно. Спасибо старший!» – на разные голоса отозвался сумрак камер вагонзака. Еще раз, взглянув на часового, капитан, повторил, обращаясь к подчиненному:

– Пятнадцать минут. И, форточку закрой, не хватало еще, что бы какой ни будь проверяющий, увидел с вокзала, что открыто у нас.

Труба молча кивнул головой, с силой надавил на сдвижное окно вагона, приоткрыв его, и отступив чуть правее, что бы поток прохладного, осеннего воздуха с улицы не попадал на него, продолжил наблюдение. Через несколько секунд из-за решеток, к потолку заструился сизый, табачный дым.

Со стороны кухонного блока исходил приятный запах готовой еды. Копченый стоял напротив купе караула, и жестом пригласил офицера пройти внутрь. Андрей переступил порог и осмотрелся. Весь свободный от несения службы личный состав стоял по бокам тесного купе. В середине откидной полки под окном, служивший небольшим столом, находилась бутылка лимонада и наскоро сделанный Свиридом торт из покупных лепешек, обмазанный толстым слоем сгущенки. В центре этого кулинарного изыска красовалась надпись из пропущенного сквозь мелкую терку шоколада: «20 лет!» Командир даже смутился:

– Пацаны! Это для меня? Вы.., этаа.. Фуу! – выдохнул он, – Слов нет! Спасибо парни!

– Андрей! Мы тебя поздравляем с двадцатилетие службы. Желаем тебе всего наилучшего на гражданке! А вообще, оставался бы ты. Предельного возраста у тебя пока нет, а служить с тобой нравится всем. Поэтому подумай как следует, и после отпуска возвращайся к нам, – закончил поздравления Свирид.

– Парни! Спасибо еще раз, – заговорил взявший себя в руки начкар, – Давайте сначала поужинаем, а торт после.

– Ух ты! У вас праздник здесь? Андрюшку поздравляете? – раздался за спиной женский голос. Офицер развернулся, и пригласил проводницу, чуть отступив назад, насколько позволило пространство купе:

– Заходи Татьяна Семеновна! Опаздываешь? Или мои балбесы, забыли про тебя?

– Немного задержалась. Прохладно уже, титан растопила, вам скоро кипятик понадобится – ответила грузная женщина лет сорока, протискиваясь мимо виновника торжества.

– Так! Повар! Корми людей, торт раздели на всех. Сначала ужин, а торжественная церемония проводов на пенсию потом, когда время придет. Надеюсь увидеть вас всех, в полном составе. Патрик, первой ужинает следующая смена часовых и Танюша. После все остальные. Копченый! Смена караула по графику. Все понятно?

– Понятно все начальник. Все в срок сделаем. Ты давай сам поешь, – отодвигаясь от стола, ответил первый помощник.

– Я после. Ты людей корми. Тем, кто заступает на посты, торт сразу после ужина. Ну а с остальными потом посидим, после Сызрани. Давайте парни, я в своем купе. Готовиться нужно, обмен скоро. И еще раз, огромное спасибо! С благодарностью оглядев своих подчиненных, он вышел из общего купе, и прошел в свое. Из-за приоткрытой двери слышались негромкий смех, разговоры караульных, звонкие удары и скрежетания железных ложек по опорожненной посуде. «Все это уже было не один и не два раза. Эти звуки, смех, разговоры. И всегда, в железнодорожном карауле, сопровождением общего фона, было: Тада-тада-тада-тада.. То нараспев, то учащенно колеса отмеряли расстояние, и саму жизнь. Мимо пролетают станции, полустанки, перроны. Не зашторенные, освещенные окна встречных, пассажирских составов позволяли на секунду заглянуть в жизнь чужих, незнакомых людей. Железная дорога очень напоминает жизнь! На одних станциях мы остаемся, на других лишь задерживаемся, а на какие-то даже и не думаем сходить. Они проносятся мимо, и уже никогда не встречаются снова. А большие железнодорожные вокзалы и развязки напоминают хитросплетения судьбы. Твой вагон движется, меняя одну ветку рельс на другую, направляемый невидимым стрелочником, и только ему известно, где окажется локомотив твоей судьбы через некоторое время» – приглядываясь к темноте за стеной вагона, задумался Андрей. Внезапно на колени забралась дочка. Для него она была поздним ребенком, и из-за этого безумно любимой. Девочка четырех лет протянула ему чашку из игрушечного набора, и улыбаясь проговорила:

– Вот папочка! Компотик, я для тебя сделала. Попробуй!

– Ух ты! По виду очень вкусный, – разглядывая мелко нарезанные куски яблока, плавающие в прозрачной воде, обрадовался мужчина. Чуть пригубив из пластмассовой чашки, он воскликнул с улыбкой:

– Даже вкуснее чем у мамы! Умница ты моя!

Девочка обрадовавшись, что ее стряпня понравилась отцу, обвила своими ручками его шею и уткнулась в плечо отца личиком, щекоча розовым, пышным бантом его щеку. Андрей непроизвольно сжался, и.., открыл глаза. Над ним стоял Патрик, и тормозил его за плечо, задевая тканью рукава щеку.

– Начальник! Начальник, Сызрань через десять минут.

– Я что, заснул?

– Похоже, что да! Даже «контрольку» успел пустить, – засмеялся второй помощник.

– Вот черт! Часовых меняли? Осужденных предупредили кто на выход? А караул весь по форме одет? – заторопился он с вопросами.

– Нормально все. Все готовы уже. Все проверили.

– Надо же, заснул! А ведь и не хотелось спать. Так, расставляй всех. Будьте готовы. Сейчас я сам в порядок приведу себя, личные дела возьму и выйду тоже, – растерянно проговорил офицер.

Отбирая из общей пачки личных дел, документы тех, кого необходимо высадить на станции он подумал: «Повезло сегодня с караулом. Нормальные ребята в третьем отделении, сами во всем разбираются». Еще раз, оглядев приготовленные бумажные пакеты, он вышел в проход. Все находились на своих местах и ждали его распоряжений.

– Копченый! Дела возьми на столе, зачитай убывающих. Лишний раз проверим, что бы без сбоев прошло все. Патрик! Расставляй людей по постам. Орлов! Ты находишься рядом с Жаном, но не мешаешь ему, а смотришь и запоминаешь все, что он делает. Жан, «Молодой» на этот обмен за тобой закреплен. Все понятно парни?

– Понятно начальник.

– Ясно все. Орел, за мной! Сейчас мы считать будем, смотри не сбейся, – повернувшись к парню, сказал Жан.

Взглянув на Орлова, Андрей понял, что тот волнуется. Тревожный взгляд новенького не стоял на месте. Он старался не подавать вида, но румянец выдавал парня. За несколько секунд превратившись в яркий, сильно выделяясь на фоне светлого лица.

– Орел! – окликнул он его, – Не волнуйся. Ничего не бойся и делай то, что тебе наставник скажет. Усек?

– Я понял начальник! Все в порядке, – стараясь держать ровные интонации, ответил парнишка.

Перестук колесных пар вагона постепенно снижал темп. За решетчатыми окнами спецвагона замелькали огни пригорода районного центра. Через несколько минут состав остановился у вокзального перрона. Оглядев прилегающую территорию сквозь решетки, капитан отметил, что автозаки находятся на своих привычных местах. Раздался звонок оповещающий о том, что кто-то находится около входной двери, и ждет, когда его впустят. Андрей направился в тамбур. Приглядевшись, увидел своего старого знакомого. Почти одновременно они начали службу, только он у себя в городе, а Иван в Сызрани. И возглавлять караулы они стали в одно время. Прошло почти пятнадцать лет, а Андрей и Иван так и ездили начальниками.

– Открывай, помощник, – скомандовал офицер, отодвинувшись на полшага от двери.

Привычным рывком, Копченый повернул тугую ручку входной двери, попутно открыв защелку, освобождающую верхний порог и откидную ступеньку лестницы.

– Оба-на! Андрюха, привет! А я слышал на дембель ты ушел. На пенсии теперь. А вот ты и сам! – весело начал свою приветствие Иван задрал голову.

– Оба-на не оба-на, а давай документы будем смотреть твои! – серьезной интонацией отозвался Андрей, спускаясь по железным ступеням.

– Вот ты всегда такой серьезный был, – ворчливо ответил ему капитан встречного караула, роясь во внутреннем кармане кителя. Молча протянув предписание, и держа наготове служебное удостоверение, коренастый офицер переминался с ноги на ногу, от чего было слышно шуршание крупной щебенки с железнодорожного полотна. Внимательно прочитав каждую букву, проверив печать на документе, начкар спустившись к коллеге, произнес:

– Удостоверение!

Изучив его не менее тщательно чем предписание, Андрей вернул его владельцу, и обернувшись в сторону помощника оставшегося в вагоне, скомандовал:

– Пропустить!

Иван недоуменно посмотрел на старого товарища, и громко топая, поднялся в вагон. Следом забрался Андрей. Помощник захлопнул дверь вагонзака, Только сейчас начкар «железки» смог поприветствовать старого товарища:

– Вот теперь здорова Ванюха! – протянув открытую ладонь в приветствии, улыбнулся он, – Ты там не подумай чего дружище. Конец года скоро, премия будет годовая. Даже и не знаешь, из какой щели, всякие разные «агенты» наблюдают, и видео снимают. Чуть замечание, и премия под угрозой! У нас так. Это у вас проще служить. Так что сам понимаешь., – жестом руки он пригласил офицера в свое купе. Принимая личные дела, Иван продолжал разговор:

– Я так и подумал потом. Слышал, и не раз как у вас там. Впечатление, что за вами слежка даже в выходные. КГБ блин! – засмеялся Ванька.

– И не говори, – ответил с грустной улыбкой Андрюха, – Да ладно, пофиг! Я на пенсию собрался. Скоро мне все это будет очень глубоко безразлично.

– Да слышал. Вчера ваших ребят грузил, они рассказали. Слушай, а чего ты на гражданке делать собрался? Может подумаешь? Послужим еще?

– Найду чем заняться. Работы навалом там, только работай.

– Понятно. Дело твое конечно, – было видно, что Иван немного расстроен.

– Ты печальный вроде? Или мне кажется?

– Нет Андрюх, рад я за тебя. Вот только с молодняком работать не хочется. У вас там через одного молодой начкар. Неглупые ребята конечно, но все же. Мы то, сколько лет уже? Я тебе доверяю полностью, знаю, что не подставишь если чего. Да и ты, наверняка тоже так думаешь.

– Доверяй, но проверяй! Дело мы с тобой нешуточное делаем. Так что проверяй меня как положено, а я тебя буду. Люди мы! И ошибиться можем, и пропустить что-то.

– Это да! – задумчиво вторил Ваня, пересчитывая увесистую пачку больших, бумажных пакетов, – Десять, одиннадцать! Ну, все? У меня порядок! Твои вот! Держи.

– Двое всего? – удивился Андрей.

– Радуйся, в нашем деле лучше меньше чем больше! – хихикнул Иван, выйдя из купе начальника караула, и еще раз оглянувшись на друга, он направился в сторону тамбура.

Место обмена уже оцепили вооруженные сотрудники в пятнисто – синей форме. Как только захлопнулась дверь тамбура, Копченый крикнул в направлении прохода:

– Караул, все на местах?

– На местах! Готовы! – ответил с другого конца спецвагона второй помощник.

– Начальник, мы готовы. Начинаем?

– Да, давайте пацаны, – ответил он, включая на ходу видеорегистратор.

– Четвертый, пятый посты! По местам! – подавая на ходу привычные команды, первый помощник, быстрым шагом двигался к «рабочему тамбуру». Сзади, контролируя происходящее, шел Андрей.

Чуть потянув упругую дверь, помощник надавил на ручку. Создав при сработке небольшое эхо в пустом тамбуре, замок громко шелкнул, проход был открыт, но пространство за ней было ограничено подъехавшим вплотную, дверь в дверь, автозаком. Между автомобилем и вагоном осталось место только для двух человек. Слева уже стоял начальник караула «встречки». Спустившись по лестнице, заняв место справа от двери, начкар «железки» громко выкрикнул:

– Караул внимание, обмен! Пятую на сдачу!

– Пятую на сдачу! – продублировал команду Копченый повернув голову в сторону прохода вагона.

– Первую на прием! – громко проговорил Иван, обращаясь к своему караулу.

– Готова первая! – огласил часовой в кунге автозака, и громко шелкнул затвором камеры.

– Сдаем! – спустя несколько секунд, скомандовал Андрей.

– Перрррвый! – громко и нараспев проговорил Жан из глубины освещенного вагона. Это означало, что осужденный вышел из камеры и прошел мимо второго помощника открывающего камеру. Старый, крашеный и перекрашенный уже несколько раз вагон, раскачивался на пружинах от шаговдвигающегося человека, механизм подвески начал негромко поскрипывать.

– Первый, – проговорил помощник в тамбуре, когда небритый, угрюмый мужчина с огромными баулами, с трудом протиснулся в узкий проход тамбура. Остановившись на секунду у открытой двери, осужденный поставил свою ношу. Взяв одну из своих дорожных сумок, он, перебросил ее через пространство между транспортом. Через мгновение и вторая полетела вслед первой. Аккуратно перешагивая с порога вагона в тамбур автозака, он быстро крутанул головой вправо, и так же быстро влево. Складывалось впечатление, что заключенный выхватывает, запоминает куски желанной свободы, которой лишен уже давно. Глядя на освещенный перрон, что бы потом, в тишине, вспомнить то, что видел, представляя себя в дремотной атмосфере ночного вокзала.

Как только он скрылся за стеной камеры автозака, часовой громко огласил:

– Первый!

– Второй! – громко произнес помощник в проходе вагонзака, и все повторилось снова.

– Второй! – отозвался часовой в автомобиле, и громко хлопнул запором камеры.

– Третий..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.